

- History and Theory of Diplomacy ■
- Дипломатия тарихи ва назарияси ■

О.П. Кобзева

**Вклад согдийцев в развитие
международной дипломатии и торговли.
Великая согдийская колонизация
Шелкового пути**

Территория Узбекистана в течение многих столетий служила мостом, связывающим Восток и Запад через Великий Шелковый путь. Благодаря этому наш край был известен как важный перекресток на этом пути, где соприкасались различные цивилизации и культуры, и прославился своим неопределимым вкладом в общечеловеческое развитие. С III тыс. до н.э. Лазуритовый, Нефритовый, Западный Меридиональный, Степной и другие пути являлись составными частями Шелкового пути [1].

Его основная караванная дорога на запад из столичных городов Китая Чаньяня и Лояна шла через Лянчжоу, Чжанъе, Цзюцюан и Дуньхуан, где она разделялась на два направления: первое проходило через Кумул (Хами), Турфан, Карашар, Кучар, (Кучэ), Аксу, Кашгар, Иркештам, Фергану, Самарканд, Бухару, Мешхед, Тегеран, Багдад, Стамбул до Рима, второе шло в обход пустыни Такла-Макан с юга через Хотан, Яркенд до Кашгара, соединяясь с северным направлением. В Яркенде дорога разделялась на два ответвления: одна ветвь проходила через Балх и Герат до Мешхеда, вторая – через Балх, Кабул, Пешавар до городов Индии [2].

Спецификой Среднеазиатского региона было то, что он оказался в зоне перекрещивания трех цивилизационных систем: антично-христи-

Кобзева О.П., докт. ист. наук, профессор кафедры «История Узбекистана» исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека.

анского Средиземноморья через Переднюю Азию, индуистско-буддийского и китайско-конфуцианского. Средняя Азия выступала связующим звеном в контактах не только меридионального направления – с Запада на Восток и обратно, но и выполняла роль фокуса транскультурных и дипломатических контактов по линии Север – Юг. Последнее весьма характерно проявилось в значимой позиции региона по отношению к кочевому миру евразийских степей. Развитие торговли одновременно способствовало развитию вначале так называемой «народной дипломатии», а затем и более сложных форм дипломатических отношений. Особую роль в развитии дипломатических и торговых контактов на Великом Шелковом пути сыграли согдийцы.

Согдийцы – один из древнейших народов Средней Азии, имена которых зафиксированы в древних частях Авесты – Видевдате и Бехистунской надписи, создали без преувеличения великую цивилизацию, влияние которой в той или иной степени ощущалось на громадных просторах евразийского материка от Каспийского моря до Тихого океана [3].

Их пребывание, как и других народов Средней Азии, в Восточном Туркестане и Китае отмечено во многих письменных и эпиграфических источниках, в частности в так называемых «старых согдийских письмах», обнаруженных английским археологом М.А. Стейном при раскопках сторожевой башни Великой Китайской стены к западу от г. Дуньхуан в Восточном Туркестане и датированных им II в. н.э., а также более поздними согдийскими документами (VII-X вв.).

Согдийцы - один из древнейших народов Средней Азии, имена которых зафиксированы в древних частях Авесты - Видевдате и Бехистунской надписи, создали без преувеличения великую цивилизацию, влияние которой в той или иной степени ощущалось на громадных просторах евразийского материка от Каспийского моря до Тихого океана.

Однако, как считают многие ученые, в частности Э.В. Ртвеладзе, «переселение согдийцев на Восток началось после похода Александра Македонского в Среднюю Азию» и согдийцы вошли в соприкосновение с Китаем уже в 4-3 в. до н.э.». В китайских источниках о согдийцах впервые упоминается во II в. н.э. Скорее всего были и другие причины, побудившие согдийцев создать свои торговые фактории в Восточном Туркестане и Китае. Одна из них – открытие Чжан Цзянем Западного края и возникновение Великого Шелкового пути и, как

следствие, установление дипломатических отношений с Парфией и Римом, а также торговля различными товарами между Китаем и этими странами, особенно шелком [4].

Как лица, непосредственно заинтересованные в получении больших доходов и «искушенные в торговле», согдийские купцы, несомненно, должны были со временем послать вначале своих торговых агентов, а затем создать торговые фактории в городах и оазисах Восточного Туркестана для того, чтобы контролировать более значительные отрезки Великого Шелкового пути. Поэтому переселение согдийцев на Восток началось, вероятно, в I в. до н.э., когда открылось регулярное сообщение по трассам Великого Шелкового пути [5].

Впоследствии согдийские колонии были созданы вдоль всего восточного участка и существовали до IX-X вв. Особенно большие колонии согдийцев были в таких китайских городах, как Чаньань, Ланчжоу, Дуньхуан, где согдийцы жили обособленными общинами.

Научно-исследовательские работы, проводимые китайскими археологами с 80-х годов XX в. в провинциях Шаньси, Ганьсу и Нинся, выявили там богатые следы согдийской культуры. Важнейшими среди них являются согдийские родовые кладбища в средней и южной части Нинся-Хуэского района – места, где уже со времен династии Северной Вэй (385-534 гг.) массово жили согдийцы.

В городе Гуюане (провинция Нинся) археологами было обнаружено массовое захоронение согдийцев по фамилии Ши, Кан, Нэ (VI-VII вв.).

Город Гуюань, основанный в 114 г. до н.э., в древности именовался Даюань. Расположенный на главной трассе Великого Шелкового пути, он сыграл большую роль в культурном обмене между Западом и Востоком [6].

В богатых захоронениях согдийцев Гуюаня обнаружены склепы, коридоры, каменные ложа, настенные рисунки и подробные эпитафии. Судя по ним, согдийские представители прибыли в Гуюань между III-V вв. н.э. из Шахрисабза. По китайским источникам, на месте современного Шахрисабза находился город Сусе. Его правитель первым установил дипломатические отношения с Китаем и построил город Киши, который со II в. до н.э. стал называться Кеш.

Эпитафии также рассказывают о роде деятельности согдийцев и их продвижении по карьерной лестнице в Китае. Так, если родоначальники семей были купцами и торговцами, то среди представителей следующего поколения видим: «военачальника, совершившего много военных походов», «чиновника, управлявшего конным двором», переводчика в центральном правительстве, «начальника округа Гуочжоу» (провинция Хэнань), ветеринара, солдата, земледельца и т.д. [6].

В материалах эпитафий представлена богатая информация о семейной генеалогии, профессиях, брачных контрактах, процессе китаизации. Последний, в частности, выражался в том, что со временем среди

По китайским источникам, на месте современного Шахрисабза находился город Сусе. Его правитель первым установил дипломатические отношения с Китаем и построил город Киши, который со II в. до н.э. стал называться Кеш.

переселившихся согдийцев увеличилось количество браков с китайцами. Происходит также китаизация согдийских имен. В частности, имя Ши Шэу – это переведенное на китайский имя авестийского божества времени и судьбы – Зурван.

На севере Китая найдено несколько погребений согдийцев, относимых к VI-VII вв. Чтобы трупы не оскверняли землю, гробы устанавливались на специальные подставки. Такой вид захоронения называется

«канцё» и соответствует учению зороастризма. Из одной могилы выкопана панель надгробия, представляющая нам сведения о жизни и быте согдийцев в Китае. находка хранится в музее Михо города Кого префектуры Шига. Картина выполнена на раскрашенной мраморной плите (высотой 61,5 см) с изображением проживающего в своем домовладении состоятельного согдийца.

На плите изображено пиршество богатого согдийца с супругой в окружении слуг на верхнем плане и музыкальной труппы на втором, нижнем плане. 7-8 музыкантов исполняют музыку на таких инструментах, как арфа, 4- и 5-струнные бивы и флейта, танцовщица двигается под быстрый ритм. Одевшись в просвечивающий наряд из тонкого шелка, она очаровывает гостей своим страстным танцем, называемым «согдийский танец вихря».

В Китае особенно горячо почиталась согдийская танцевальная культура, а в эпоху династии Тан этот танец часто воспевался в стихах и даже известный согдиец Анрокузан станцевал его перед императором Генсо. Часто танцовщица и ковер для танца представлялись в качестве подарка от посольств согдийских княжеств, а музыка Бухары и Самарканда была включена в музыкальный репертуар дворца династии Тан. Далее на нижнем плане мраморного панно прислуга разливает вино, а рядом установлен согдийский кувшин, неоднозначно подчеркивающий отношение всей сцены к согдийской культуре [7].

В 627-644 гг. несколько согдийских поселений возникло вокруг озера Лобнор. Одно из них было основано на месте покинутого китайского города великим вождем из царства Кан (Самарканд) Кан-Яньтянем, вместе с которым пришло много народа ху – так китайцы называли согдийцев. Вскоре здесь же возникли четыре укрепленных согдийских поселения, одно из которых называлось Путночэн – «город виноградников».

В Китае были и другие города, где проживали согдийские купцы и их семьи: Изюйюань, Гуцзане, Хауяйна, Цзиньчэн, Чанбан (Хумдан). Торговые операции, осуществляемые здесь согдийскими купцами, субсидировались крупными самаркандскими купцами, которые предоставляли кредиты и распоряжались торговыми сделками.

Согдийцы торговали шерстяными одеялами, шелком, льном, свинцовыми белилами, мускусом, бумагой, серебром, ювелирными изделиями и драгоценными камнями.

Важным моментом является и то, что, судя по документам на согдийском языке, обнаруженным в Лоулани английским археологом М.А. Стейном в начале XX в., согдийцы играли ключевую роль в снабжении китайских войск всем необходимым, получая взамен зерна и животных рулоны шелка и монеты.

Современные китайские исследователи отмечают, что различные владения (города-государства) Согда в древних китайских источниках именовались «Девять фамилий Чжао У», то есть города – государства Кан, Ань, Ми, Хэ, Ши, Цао и т.д.

При династии Тан (618-907 гг.) движение согдийцев на Восток достигло грандиозных масштабов, и его можно охарактеризовать как великую согдийскую колонизацию Шелкового пути. Согдийские диаспоры в некоторых городах Китая, например Дуньхуане, достигали более 1000 человек, по приказу правительства даже было создано 6 административных округов для расселения согдийцев.

Исследователи отмечают, что согдийские купцы регулировали значительную часть торговли по Шелковому пути. Они были знамениты своими караванами, деловой хваткой и тесными семейными связями, которые позволяли им заниматься коммерцией по основным торговым артериям, ведущим в Китай.

Фактически, как отмечает известный исследователь Питер Франкопан, согдийские купцы стали тем клеем, который соединил города, оазисы и целые регионы [7].

Переселившиеся согдийцы и их потомки активно участвовали в политической, экономической и культурной жизни династии Тан и оказывали большое влияние на развитие китайской культуры.

Экономическая интеграция пыталась преодолеть культурные и лингвистические барьеры. Так, в Восточном Туркестане была предпринята попытка выпус-

При династии Тан (618-907 гг.) движение согдийцев на Восток достигло грандиозных масштабов, и его можно охарактеризовать как великую согдийскую колонизацию Шелкового пути. Согдийские диаспоры в некоторых городах Китая, например Дуньхуане, достигали более 1000 человек

Переселившиеся согдийцы и их потомки активно участвовали в политической, экономической и культурной жизни династии Тан и оказывали большое влияние на развитие китайской культуры.

ка двуязычных монет, а согдийская эмиссия по внешней форме прямо следует традиции китайских монет в виде кружка с квадратным отверстием в центре [8].

Необходимо отметить и то, что некоторые согдийцы, хорошо знавшие язык и культуру Китая (например, Ши Хэдань), становились дипломатическими представителями Поднебесной в Центральной Азии.

Среди уникальных вещей, обнаруженных в согдийских захоронениях, выделим печать из синего ценного камня (лазурита?), на которой вырезана картина с сидящим львом, плодами и ветвями граната, а также надписью на древнеперсидском «свобода, процветание, счастье». Можно также отметить находку золотой маски, связанной с зороастрийскими обычаями, византийские и сасанидские золотые монеты.

Об интенсивности и глубине дипломатических взаимоотношений согдийцев с китайцами говорит, например, тот факт, что «царица Бухары Хатун подарила китайской императрице два больших покрывала и один вышитый ковер».

Наблюдалось и определенное влияние танского Китая на искусство согдийцев, выражавшееся на уровне восприятия некоторых образов или элементов (изображения облаков, цветов, бутонов лотоса и т.д.), причем «трансляторами» китайских влияний были уйгурские художники [8].

Можно также отметить влияние китайской технологии изготовления бумаги на производство самаркандской бумаги, в том числе шелковой.

Согдийцы сыграли значительную роль в распространении несторианства и манихейства в Восточном Туркестане и Китае. Меньше сведений о распространении зороастризма в этих странах. Большинство согдийцев исповедовали зороастризм в его местной среднеазиатской интерпретации. Некоторые исследователи именуют его маздеизмом.

Согдийские купцы энергично распространяли буддизм на севере и востоке, сыграв важную роль в соединении Китая с долиной Инда. Эти торговцы были идеальными посредниками [9].

Проводником знаменитого буддийского путешественника Сюань Цзая был Ши Паньто (Вандак из Кеша). Он провел его от Гуанчжоу до пустыни, ведущий в оазис Хами, но дальше идти отказался из-за опасности пути.

Ключом к их успеху была целая сеть надежных перевалочных пунктов. Чем больше согдийцев становилось буддистами, тем больше пе-

щерных храмов было построено вдоль основных торговых путей, как, например, в долине р. Хунза на севере Пакистана. Согдийцы вырезали здесь на камне свои имена, а также изображения Будды в надежде, что их длительное путешествие будет успешным и безопасным [10].

Пещерные храмы, находившиеся на основных торговых путях, совмещали религиозное просвещение с торговлей и туризмом.

Торговля шелком способствовала глобализации, предоставляя новые возможности и подталкивая технологический прогресс.

Как только община согдийцев достигала определенной численности, предположительно 40 человек, они возводили храм огня. Проведением обрядов, точнее, поддержанием огня в алтаре и ведением церемоний во время празднований зороастрийцев занимался сабао (чиновник по делам религии огнепоклонников при династии Тан), ему же поручалось рассмотрение споров.

Согласно китайским письменным источникам, первый зороастрийский храм огня был построен в Чаньане в 627 г. Храмы огня – «Сянь-цы» (религия Небес) существовали в других китайских городах – Лояне, Кайфане и, бесспорно, в городах Восточного Туркестана, подчиненных Китаю, причем здесь согдийские храмы огня возникли гораздо раньше, чем собственно в Китае.

Одним из наиболее ранних зороастрийских памятников в Китае является погребальная, или поминальная каменная, стела, найденная в Северной Хэнани близ Чжандэфу (VI) с изображением согдийских алтарей огня. Собственно зороастрийских сочинений здесь пока не обнаружено, но считается, что найденные в окрестностях Дуньхуана фрагменты «Сказания о Рустаме» были созданы зороастрийцами.

В 2012 г. в Оксфорде была опубликована монография известной исследовательницы Валери Хансен «The Silk Road: a new history». Вскоре увидело свет издание на русском языке «Великий Шелковый путь: портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай – Согдиана – Персия – Левант», одна из глав которой названа «Родина купцов Шелкового пути – Согдиана» [11]. В книге детально рассматривается жизнь в семи оазисах Шелкового пути – Нии, Куче, Турфане, Дуньхуане, Хотане, Чанане (Китай), Самарканде (Узбекистан) и оазисе на горе Муг (Таджикистан) в период его зарождения и активного функционирования. Что немаловажно для нас, в описании всех этих городов всегда присутствует акцент на согдийскую общину, согдийцев или связи с Согдианой.

Согдийские купцы энергично распространяли буддизм на севере и востоке, сыграв важную роль в соединении Китая с долиной Инда.

Согдийцы массово прибывали на поселение в Китай на протяжении V - VII столетий, но число переселенцев резко увеличилось после завоевания Самарканда арабами в 712 г. н.э. Многие из них переселялись в Чаньань - столицу танской империи. Здесь 30-40 богатейших согдийских купцов ежегодно проводили свои съезды.

Валери Хансен описывает жизнь согдийцев, в частности, в оазисе Турфан: «Население Турфана отличалось большим смешением народов... Крупнейшие общины сложились здесь из переселенцев, прибывших с области под названием Согдиана... Китайские жители Турфана слушали иранскую музыку и под неё исполняли согдийский танец, в котором мужчины с женщинами кружились в неистовом вихре» [11].

Об этом танце стало известно во многом благодаря раритетной находке в

Сиане. Она представляет собой каменную раскрашенную панель с погребального ложа из захоронения согдийского старосты-сабао Ань Цзя (умер в 579 г.). Всего было обнаружено 12 резных панелей, украшенных мелким рельефом, раскрашенных красным, черным и белым пигментом по золотому фону. На них изображены сцены из жизни усопшего, дающие уникальное в своем роде представление о жизни согдийцев в Китае.

Согласно эпитафии, Ань Цзя родился в семье согдийца, переехавшего из Бухары в Ланьчжоу в 537 г. Матерью его была местная китаянка. Отец Ань Цзя занимал две государственные должности. Сам Ань Цзя вначале был сабао в Гунчжоу (севернее Сианя), затем стал, очевидно, дипломатическим представителем и организовывал торговлю через посланников, так как на одной из панелей склепа он изображен ведущим беседу с тюркским вождём в своем шатре, а стоящие рядом верблюды нагружены товарами [11].

Согдийцы массово прибывали на поселение в Китай на протяжении V - VII столетий, но число переселенцев резко увеличилось после завоевания Самарканда арабами в 712 г. н.э. Многие из них переселялись в Чаньань – столицу танской империи. Здесь 30-40 богатейших согдийских купцов ежегодно проводили свои съезды.

Согдийцы считались знаменитыми купцами, но при этом те из них, кто переселился в Китай, обращались к самым разным занятиям, в том числе брались за земледелие, военную службу, содержание постоянных домов, рисование, выделку кож и сбыт скобяных товаров. Несмотря на то, что китайцы обычно называли согдийцев народом «девяти ювелирных фамилий», большинство из них выбрало одну из семи традиционных китайских фамилий: переселенцы из Самарканда предпочли имя Ганн, из Бухары – Ань, из Кобадияна, располагавшегося севернее р.

Зеравшан, – Цао, из Кушани, находившейся между Самаркандом и Бухарой, – Хэ, фамилию Ми взяли переселенцы с юго-западного берега р. Зеравшан или из Пенджикента, фамилию Ши, написанную одним иероглифом, выбрали выходцы из города Кеша, в наши дни называющегося Шахрисабз, а фамилия Ши, обозначенная другим иероглифом, полюбилась тем, кто переехал из города Чач, или нынешнего Ташкента. За последние годы два японских специалиста в согдийском языке – Ёсида Ютака и Кагеяма Эцуко – восстановили 45 разных согдийских имён, изначально записанных китайскими иероглифами. Эти имена носили многие согдийские переселенцы, которые перебрались в Турфан под этими именами, зато те, кто прожил в Китае несколько поколений, предпочитали давать своим преемникам традиционные китайские имена.

Наряду с изменением имен согдийцы, переехавшие в Турфан, постепенно переняли традиции предания усопших земле, т. е. китайские ритуалы. Так как зороастрийцы считали человеческую плоть грязью на чистой почве, они традиционно оставляли своих мертвецов животным, питающимся падалью, а чистые кости хоронили в склепах. В Турфане повезло обнаружить два склепа. Многие согдийцы, жившие в Турфане, переняли китайские методы погребения, в том числе помещение с покойным деревянных планок вместо слуг, чтобы те служили умершему в следующем мире.

В Сиани и других китайских городах археологи раскопали склепы, украшенные сценами из учения Заратустры о загробной жизни. На стене одного из склепов обнаружено жизнеописание покойника на китайском и согдийском языках [12].

Торговая и дипломатическая активность согдийцев в восточном направлении предполагала наличие ответных посольств и миссий.

В 60-х годах прошлого века на городище Афрасиаб в Самарканде при раскопках дворца согдийского ихшида (царя) Вархумана были обнаружены настенные росписи второй половины VII в. с изображением послов, прибывших к его двору из различных государств. Среди них есть изображения дипломатов, внешний облик которых позволяет предполагать их восточное, в частности китайское, происхождение. В их числе есть два персонажа, имеющие характерные только для представителей корейского царства Когурё того времени головные уборы и позы, – с руками, согнутыми в локтях, заложенными в рукава кафтанов ниже груди, а также имеющие антропологические признаки.

Роспись на Афрасиабе является единственным ценным историческим источником VII в., свидетельствующим о взаимоотношениях Узбекистана с Кореей.

Таким образом, прибытие корейской посольской миссии в 654-655 гг. н.э. наряду с посольствами из ряда других стран по случаю восшествия на трон согдийского ихшида Вархумана можно считать важнейшей отправной точкой во взаимоотношениях согдийцев с Кореей [13].

В настенной росписи Афрасиаба для нас интересны две группы послов, изображенных на западной стене. Одну из групп послов в желтых шелковых одеждах прилегающего покроя специалисты единодушно считают китайской делегацией. Персонажи этой группы (пять фигур) несут дары ишхиду Согда. Так, первая фигура несет три рулона ткани – два рулона красного, один – белого цвета. В руках у третьей фигуры крученая пряжа шелковой нити. У четвертого члена группы в руках гроздь каких-то плодов, похожих на виноград. Последним в группе идет пятый член китайского посольства с гроздьями таких же плодов, что в руках у предыдущей фигуры [14].

Географическую широту дипломатических отношений самаркандского Согда в раннем средневековье ярко демонстрирует присутствие изображений посольской группы из Кореи. Мнение о том, что это посольство прибыло из раннесредневековой Кореи, базируется на многочисленных фактах из письменных памятников. Например, в китайской хронике северных дворов Бейши говорится о Корейском государстве. В источнике описывается характер одежды, причесок и других деталей и аксессуаров корейских чиновников разных рангов и степеней. Среди них имеются элементы, точно соответствующие деталям изображений корейской группы послов: «Они на голове носят сифынь – головной убор, похожий на китайский колпак. Приказные втыкают в сифынь два

Географическую широту дипломатических отношений самаркандского Согда в раннем средневековье ярко демонстрирует присутствие изображений посольской группы из Кореи. Мнение о том, что это посольство прибыло из раннесредневековой Кореи, базируется на многочисленных фактах из письменных памятников.

птичьих пера. Одевание состоит из кафтана с широкими рукавами и широких шальваров и подпоясывается ремнем. Ходят они, сложив руку в руку». Далее о таких перьях, воткнутых в колпак с двух сторон, говорится в связи с описанием одеяния владетелей Бо-цзи, одной из провинций Кореи. Как полагает Л.И. Альбаум, исследователь настенных росписей Афрасиаба, этот обычай был знаком поклонения птице, мифической прародительнице царствующей династии [15].

В хронике Тан-шу (летописи династии Тан) также сообщается о владетелях Кореи, носивших шляпы из белого ло с перьями – с двух сторон. Сопоставляя росписи со сведениями китайских хроник, Л.И.

Альбаум вполне обоснованно определяет этническую и политическую принадлежность корейского посольства во дворец самаркандского ихшида Вархумана. Он уделяет внимание тому, что в раннем средневековье Согд находился в политической зависимости от тюркского Каганата, который имел тесные контакты с дальневосточными государствами. В подтверждение своих суждений он приводит такие доказательства, как посещение корейским монахом в 727 г. Бамиана – одного из центров буддизма в Центральной Азии [15].

По сведениям корейских письменных источников, известный буддийский паломник Хуэй Чао (Хе Чхо – кореец по происхождению), совершивший в 723 г. н.э. путешествие в Западный край с целью посещения буддийских святынь Чача, Согда, Хутгальяна и других земель, оставил описание их достопримечательностей. Ранее эти сведения были малоизвестны специалистам, которые в основном опирались на записки китайского паломника Сюань Цзяня, посетившего Среднюю Азию на сто лет раньше [16].

В VII – VIII вв. согдийцы, по-видимому, достигли и Японии. В то время столицей Японии был город Нара, поэтому иностранцы часто посещали его. Однако очень мало тех, кто оставил о себе информацию. Сохранились записи о путешественнике по имени Аннехо из Согда, побывавшего в Наре в 754 г., что отмечает японский исследователь профессор Университета Нара Тоно Хараюки.

Из источников известно, что согдийцы, успешно монополизировав международную торговлю, тем не менее сами не смогли создать у себя сильного централизованного государства. Каждый оазис делился на несколько княжеств, во главе всех номинально стоял правитель Самарканда, которого называли «Самаркандский царь – Согдийский государь», ишхид Согда.

Аннехо был родом из Бухарского оазиса. Его приезд в Японию был связан с сопровождением высокопоставленного духовного буддийского лица Ганжин (в период династии Тан – 618-907 гг.). Целью поездки Ганжина в Японию, несмотря на государственный запрет Китая, являлось распространение заповедей буддизма. Он сделал пять безуспешных попыток переплыть море, причем в одном случае неудачно из-за доноса ученика, в других – из-за стихийных катаклизмов. И лишь через 12 лет, с шестой попытки, в 754 г. он попал в город Нара [17].

В Японии Ганжин обучал заповедям буддизма императора Шему в храме Тодайдзи, Аннехо помогал при постройке этого храма. Он нахо-

В VII - VIII вв. согдийцы, по-видимому, достигли и Японии. Сохранились записи о путешественнике по имени Аннехо из Согда, побывавшего в Наре в 754 г.

дился рядом со своим учителем Ганжином в храме Тодайдзи вплоть до его кончины в 763 г.

В другом японском храме – Хорюдзи, находящемся в префектуре Нара, занесенном в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как самое старое деревянное здание в мире, хранятся два деревянных сандаловых бруска с согдийской письменностью. Ранее считалось, что эти предметы с согдийскими надписями были ввезены в Японию лишь в XX в. благодаря экспедиции графа Козуя Отани. Исходя из того, что в мире не существует других сандаловых деревьев с клеймом и с согдийской письменностью, а также надписью на пехлеви, можно предположить, что бруски были перевезены из Индонезии или Индии в Иран, а оттуда по Шелковому пути через Среднюю Азию попали в Китай. Имя владельца, видимо, было написано в Иране, а при перевозке в Китай согдийскими купцами было выжжено их клеймо. Есть и другие предположения, по которым бруски были ввезены в Японию представителями различных, в том числе и японских, посольств. Но, принимая во внимание огромную активность согдийцев по Шелковому пути, нельзя исключать и, казалось бы, невероятного факта приезда в Японию самих купцов или хотя бы буддийских проповедников-согдийцев, об одном из которых упоминалось выше.

В храме Тодайдзи города Нара хранятся считающиеся редкостными древностями согдийский кувшин, бочонок, а также маски согдийского царя и слуги.

Тесные межкультурные контакты на Великом Шелковом пути способствовали созданию оригинальных произведений искусства, в которых проявился синкретизм иранской, китайской, согдийской и тюркской культурных традиций. Эти элементы переплелись так тесно, что исследователи одни и те же явления с равным основанием относят к западным или, напротив, восточным влияниям.

В музее Тенрисанко (префектура Нара, город Тенри) имеется глиняная статуэтка согдийца с флягой в руке (высота 26,7 см). Здесь, видимо, представлен характерный образ согдийца с тяжелой ношей на спине, прибывшего по торговым делам в Сиань. После долгого путешествия выражение лица очень изможденное, но кожаный бурдюк с водой крепко сжат в левой руке [18].

В храме Шесоин хранятся и другие согдийские вещи - парча с круговыми узорами с изображением всад-

ников, охотящихся на львицу, и серебряное блюдо с изображением оленя.

Согдийцы также внесли огромный вклад во внедрение в Китае новых для него музыкальных инструментов и многих элементов музы-

кальной культуры, в частности, лютя, арфа, поперечная флейта, сиринкс (флейта Пана). Особой популярностью музыканты и танцоры Согда пользовались в эпоху династии Тан (VII-VIII вв.). Среди них были выходцы из Бухары, Самарканда, Чача, Кабудана, Кумеда, Маймурга, Хутталя. Музыкантов из Кабудана (область вблизи Самарканда), получивших в Китае фамилию Цао, было больше, чем музыкантов из других стран, вместе взятых. Музыка Самарканда входила в официальный придворный репертуар.

Из западной части Средней Азии в Китай проникли некоторые сельскохозяйственные культуры (фисташки, виноград, люцерна, грецкий орех) и виды домашних животных (лошади).

Из разных областей Средней Азии, в частности из Бадахшана, Чача, Тохаристана, в виде сырья и изделий в Китай поступали полудрагоценные камни (лазурит, сердолик, агат, бирюза). Средняя Азия была одним из основных поставщиков в Китай лекарственных растений. Так, по данным Таншу, в 713-755 гг. из Тохаристана в Китай наряду с отличными лошадьми, стеклом красного и изумрудного цвета поступало до 200 видов редких лекарственных растений.

Помимо знаменитых небесных «потеющих кровью» ферганских лошадей, из различных областей Средней Азии в Китай в качестве даров доставляли других животных: охотничьих и комнатных собак, леопардов, гепардов, львов. Лев, привезенный в дар императору Тай-Цзуну в 635 г. из Самарканда, настолько поразил воображение китайцев своей мощью и величием, что ему было посвящено два стихотворения [19].

Функционирование Великого Шелкового пути требовало создания развитой системы международного разделения труда в производстве товаров на экспорт и в обеспечении инфраструктуры транспортных коммуникаций.

Тесные межкультурные контакты на Великом Шелковом пути способствовали созданию оригинальных произведений искусства, в которых проявился синкретизм иранской, китайской, согдийской и тюркской культурных традиций. Эти элементы переплелись так тесно, что исследователи одни и те же явления с равным основанием относят к западным или, напротив, восточным влияниям.

Трансконтинентальные связи разрывали замкнутые поведенческие мирки сельских общин, интенсифицировали многие виды интеллектуальной деятельности, расширяли кругозор, способствовали развитию дипломатического обмена. В этом состоит особый вклад феномена Великого Шелкового пути в мировую историю в целом и согдийцев в частности.

Трансконтинентальные связи разрывали замкнутые поведенческие мирки сельских общин, интенсифицировали многие виды интеллектуальной деятельности, расширяли кругозор, способствовали развитию дипломатического обмена. В этом состоит особый вклад феномена Великого Шелкового пути в мировую историю в целом и согдийцев в частности.

Коллектив китайских авторов фундаментальной 2-томной монографии «Древний Шелковый путь Китая» под руководством профессора Ма Бушэна констатируют, что «согдийцы были главной сухопутной силой в торговле между Китаем и Западом» [20]. А так как «прошлое – это причина, в то время как настоящее – это следствие, возрождаемый потомками согдийцев – узбекистанцами совместно с Китаем Шелковый путь имеет глубокое историческое обоснование и блестящие перспективы для двух народов», делают выводы китайские ученые.

Литература

1. *Ширинов Т.Ш.* Древнейшие торговые пути Средней Азии (III–II тыс. до н.э.) // Тезисы Международного семинара ЮНЕСКО «Формирование и развитие...». – Ташкент: Фан, 1990. – С. 42-43.
2. *Ходжаев А.* Китайский фактор в Центральной Азии. – Ташкент: Фан, 2007. – С. 8; *Ходжаев А.* Великий Шелковый путь. – Ташкент, 2018.
3. *Ртвеладзе Э.В.* Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. – Ташкент: УМЭД, 2018. – С. 243-251.
4. *Ртвеладзе Э.В.* Великий Шелковый путь. – Ташкент, 1999. – С. 105-116.
5. *Ртвеладзе Э.В.* Согдийцы на Дальнем Востоке // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1998. – № 8.
6. *Чжао Сяоцзя.* О памятниках согдийцев – эмигрантов по фамилии Ши 6-7 веков в китайском Гуюане // Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа. – М.: Социум, 2015. – С. 133-139.
7. *Франкопан П.* Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. – М.: Эксмо, 2018. – С. 49,78.
8. *Гюль Э.* Диалог культур в искусстве Узбекистана. Античность и средневековье. – Ташкент: Mir-Inform, 2005. – С. 89-96.
9. *Ртвеладзе Э.В.* Великий Индийский путь. Из истории важнейших торговых дорог Евразии. – СПб.: Нестор-История, 2012.
10. *De la Vaissiere E.* Soqidian Traders: A History. – Leiden, 2005; *Jettmar K.* Soqadians in the Indus Valley // P. Bertrand and F.Grenet (eds). Histoire des cultes d l'Asie centrale preislamique. – Paris, 1991. – P. 251-253.
11. *Хансен В.* Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай–Согдиана–Персия–Левант. – М.: Центрполиграф, 2014.
12. *De la Vaissiere E.* Histoire des marchands soqdiens. – Paris, 2002; *Sims-Williams N.* The Soqidian merchants in China and India // Cina e Iran... - Florence, 1996. P. 45-67; *Roze J.* The Soqadians: Prime Movers between Boundaries. – L., 2010.

13. *Xe Su Lee*. The Role of Uzbekistan as the cultural Route connecting to Korean peninsula (focused on the Historic Relations between Korea and Central Asian Turks) // Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. – Ташкент-Самарканд, 2007. – С.365-369.

14. *Исхаков М.* Великий Шелковый путь – путь корейско-центральноазиатских культурных диалогов // Korean Studies and University Cooperation between Central Asia and Korea. – Toshkent, 2008. – P. 19-31.

15. *Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба. – Ташкент, 1975. – С. 74-75.

16. *Кобзева О.П.* Сотрудничество ученых Узбекистана и Южной Кореи в изучении истории Великого Шелкового пути // Таълим тизимида ижтимоий-гуманитар фанлар. – Ташкент, 2006. №.3. – С. 93-98.

17. *Когучи Ясуо.* Согдийская культура и согдийцы в Японии // The Role of Samarkand in the History of World civilization. – Ташкент: «Фан», 2007. – С.119-124.

18. *Кобзева О.П.* Согдийские шедевры японских храмов // Moziydan sado. – Ташкент, 2007, № 4.

19. *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. – М., 1981. – С. 124.

20. *Цзичунь Юн, Пэнсюй Бо, Ланьюзя Пэн, Янлин Ян.* Древний Шелковый путь Китая. В 2-х т. – Ташкент: Шарк, 2018. – С. 5.